

Дверь его квартиры была открыта, и оттуда доносилось Мотино безостановочное тьяканье на грани собачьей истерики, приближающейся к сердечному приступу, и чей-то неизвестный и недовольный голос.

Из Сониного сбивчивого и торопливого объяснения по телефону он так и не понял, что именно произошло:

— Па, дома что-то стряслось. Мы с Максом приехать не можем, мы же у Гарика, на даче. Я бы тебя не дергала, но Валентина в панике! Понимаешь?

И дочь выдержала многозначительную паузу после такого заявления.

Уж как не понять!

Если Валентина в панике, значит, случилось нечто выдающееся! Сильно выдающееся из всяких рядов!

Чертыхнувшись про себя, он отложил всегда непреодолимо важные дела, задвинул совещание и поехал разбираться с происшествием, ввергшим боевую домработницу в панику.

Кирилл осторожно, не создавая шума, поставил портфель у двери, освобождая на всякий непредвиденный вариант развития событий руки, мимолетно пожалел рубашку и запонки, тут же

ругнул себя за неожиданное жлобство, открыл дверь пошире, морально готовясь увидеть все что угодно, и неслышно шагнул через порог.

Ну, к данной ситуации он никак не мог себя подготовить — ни морально, никак. Поскольку для начала ее надо было предположить, а сие стремительно приближалось к популярной некогда программе «Очевидное — невероятное».

По коридору, согнувшись пополам, прямехонько на него пятилась девушка. Правда, всей ее как таковой не было видно. Зато отчетливо прекрасно на Кирилла Степановича надвигался женский задик, снабженный офигенно длинными ножками и изумительной красоты точеными лодыжками.

Обладательница всего этого сноровисто собирала тряпкой воду с темного элитного итальянского паркета, выжимала резкими движениями рук в стоящий рядом с правой ногой таз, шлепала оружие производства на пол, сдвигалась еще на один шаг к входной двери, то есть на Кирилла, подтягивала за собой таз, попутно отчитывая заходившуюся в припадке псину.

Мотя, носящая величавое полное имя Матильда, являлась наихилейшим, каким только возможно, йоркширом — мелкая, даже для этой карманной породы, в голых проплешинах на тельце, категорически не зараставших шерстью, невзирая ни на какое лечение, впустую потраченные дорогостоящие препараты и Сонькино терпение вкупе с любовью. Собственно, дочь-то и притащила домой это несчастье, найдя его на помойке возле школы.

Первые несколько дней Мотя тряслась не переставая и так же, без остановки, пищала и впадала в коллапс с перепугу, если Соня спускала псину с рук. Но довольно быстро освоилась, уверившись в безопасности новой сытой-холеной жизни, делая явные «предъявы» на особое к себе отношение, научилась совершенно мерзко лаять, чем доводила Кирилла до кровожадных мыслей и подозрения относительно моральной вменяемости ее предыдущих хозяев.

В данный момент это недоразумение стояло на высоком стуле у барной стойки в кухне, откуда просматривался весь коридор до входной двери, пучило глаза на неизвестную поломойку, тряслось всем тельцем и припадочно визжало на высокой ноте с одинаковыми интервалами между звуками — тьяв-тяв-тяв, что означало: спасите, помогите, SOS, умираю!!

— Животное, заткнулось бы ты, — не отрываясь от основного занятия, разговаривала с Мотей неизвестная. — Тебя даже собакой назвать нельзя, так, чих природы! Божья ошибка и недогляд! Да еще одарил же премерзейшим лаем, а! Если ты хозяев такими вот звуками потчуеть, то большой вопрос, как тебя за это до сих пор не удавили. Хотя, судя по твоему задрипанному виду, оные попытки предпринимались. Ты бы призадумалась, огрызок!

Кирилл улыбнулся, соглашаясь с утверждениями незнакомки на все сто! Он-то не раз грозился Соньке выкинуть Мотю в окно за такие звуки. Хорошо хоть закатывались концерты редко, а то не удержался бы! Но с недавних пор Мотя благо-

говела перед хозяином, который спас ее от верной смерти, выхватив из-под падающего стула, грозившего стать для собаки гильотиной. По мелкости и затрапезности экстерьера жизнь псины была полна тягот и борьбы за выживание, а посему умищем та обладала незаурядным. Так что, оценив спасение своей жизни по самому высокому баллу, слушала хозяина беспрекословно, и меж ними наступил мир и полное понимание.

Но нынче Матильда была в ударе, а выносить издаваемые ею звуки никакое человеческое терпение не способно. Но Кирилл поймал себя на том, что не прекращает «арию», отдав команду, более того, улыбается, слушая комментарии барышни, и с превеликим удовольствием рассматривает ножки и попку, туго обтянутую легкими льняными бриджиками, открывающими во всей красе идеальные икры и лодыжки.

Тело в рассматривании принимало весьма даже активное участие.

Он одобрительно хмыкнул про себя нечто очень мужское — что-то про реакцию тела, про женские формы в целом и про данную женскую форму, пятывшуюся на него, в частности. И тут же одернул за неуместное проявление мужских инстинктов.

Хотя...

Когда это они — инстинкты, то бишь — уместно проявлялись? Что хотят, то и воротят!

Но, к делу!

— Мотя, цыц!! — рявкнул господин Бойцов.

Та заткнулась в сей момент, уселась на задние лапы и с обожанием уставилась на хозяина, выражая всем своим видом ожидание торжества справедливости и выдворения из владений чужого человека.

Девушка, услышав резкую, громкую команду, подскочила от неожиданности, развернулась на звук и испуганно уставилась на Кирилла.

Тот... засмотрелся на грудь барышни. Вопрос о форме и размере этой части тела мягко возник во время просмотра тылов незнакомки в русле все того же потакания здоровым мужским — ох-хо! — инстинктам.

Оценка качества женской груди заняла пару секунд и была прервана внутренним окриком претендующего на интеллигентность разума. Хозяин квартиры переместил взгляд на лицо изучаемого объекта.

— Что здесь происходит? — начальственным, требовательным тоном поинтересовался Кирилл.

Начальственным до глубины, с вдохновением и огоньком, а потому что рассердился на себя за неуместное и откровенное рассматривание девушки. На незнакомку тоже разозлился — ну, еще бы! — демонстрирует тут формы, попки, груди!

И тут Бойцов ее узнал!

«Так! Что за дела?!» — наслоился на раздражение вопрос, следом за которым пришло разочарование.

Минуту назад Кирилл чувствовал нечто легкое, искрящееся в том, как улыбается, слушая ее разговоры с Мотей, рассматривает с удовольствием

и глубоким одобрением формы, поругивает себя за эти рассматривания и все мужское, недремлющее — лето, солнце, немного хулиганства, искры!

Узнавание — и все изменилось!

Потухло, испортилось, став банально циничным. А потому что влет, сразу предположил, что она его разыскала с определенной целью. Естественное, между прочим, предположение!

Вполне! А что еще могло прийти на ум?

— Что вы здесь делаете? — арктически ледяным тоном затребовал немедленного ответа господин Бойцов.

Испуг от его неожиданной и громкой команды собаке исчез из ее глаз быстро, сменившись узнаванием и легким удивлением. Она улыбнулась, как на приеме, светски — без участия глаз, что выглядело бы даже комично — босая, с половой тряпкой в руке, а туда же — на бал!

Это если бы он ее не узнал — комично! А при таком раскладе, что они тут имеют, — подтверждающее все его мгновенные подозрения.

Вот на все сто пудов!

Она развела руки в стороны, указывая на разлитую по полу воду.

— Спасая вашу собственность.

— Со своей собственностью я разберусь сам! — отрезал хозяин квартиры, не меняя тона.

На резкость заявления девушка отреагировала весьма своеобразно, не соответствуя уже приписанной ей Кириллом роли, — сверкнули, сузившись, зеленые колдовские глаза, распрямились

плечи, и, не уступая ни полградуса арктической температуре тона, ответила:

— Отлично!

И швырнула тряпку к ногам мужчины.

Та плюхнулась в воду, издав громкий шлепающий звук, будто жирная лягушка пипа суринамская — самая большая лягушка в мире — прыгала в болото. Или жаба? Что сути не меняет: данная тряпочная пипа, шлепнувшись определенным презрительным образом, обдала обшлагы его брюк и туфли каскадом брызг.

— Уверена, у вас это получится лучше, — со проводила свои действия пояснением девушка.

Не удостоив более Кирилла Степановича Бойцова ни словом, ни взглядом, царственной поступью обошла его и вышла из квартиры в распахнутую дверь.

Босиком!

— И что это было? — спросил он сурово у трепещущей обожанием Моти, не сводившей с него глазок-бусинок в ожидании спасения от безобразия, творящегося здесь.

Что это было, разъяснила влетевшая в находящуюся в бесприютном распахнутом состоянии дверь Валентина.

Громко. Подробно. Без остановки. Как обычно.

— Кирилл Степанович! Какое счастье, что вы пришли! Ужас у нас здесь совершился! У Васильевых, что над нами, идет ремонт! Ну, вы знаете! Так ихние строители что-то там неправильно в трубах соединили, и оно как потечет!! Хозяев-то нету! Энти гады, строители в смысле, не Василье-

вы, какую-то там опалубку залили, и она должна стоять сутки! А они, значится, не работают энти сутки! Козлы, ей-богу! Я прихожу — батюшки, свят! — у нас дождь с потолка! Все залито водичей!! Хорошо хоть в комнаты не протекло! Не успело! Я спасать, не знаю, за что хвататься! Хорошо Катерина Анатольевна пришла! Она меня к охраннику нашему, Мише, вниз-то послала! Мы с ним слесарей вызвали, они воду по всему стояку перекрыли и электричество отключили! А то как же! Говорят, замыкание может случиться! Дак мы с Катериной Анатольевной в четыре руки давай воду выгребать, а тут Миша прибежал, Васильевым-то дозвонился, на дачу-то, а они строителям втыкон дали, так те мигом прискакали. И часу не прошло! Миша-то говорит, идем, свидетелем будешь, чтобы запрока... ну, бумагу официальную подписать об этом, как его? Ущерб, вот! Так я побегла, а Катерина Анатольевна осталась! Иди, говорит, справлюсь!

— Побежала, — машинально произнес Бойцов.

Поправить всю прочувствованную эмоциональную речь Валентины не смог бы и преподаватель русского языка. Кирилл и дети старались исправить разговорное произношение любимой домработницы с глубинно-деревенского до приемлемого городского, имея далеко идущие планы по благополучному устройству Валюшиной жизни в городе Москве.

Дети имели и осуществляли планы, а он, Кирилл, соглашался и участвовал.

— Ну да, побежала, — согласилась та. — А где Катерина Анатольевна?

— Это та, что здесь полы вытирала?

— Ну да! Только не вытирала, а воду собирала. Надо же быстрее, а то паркет-то повредится совсем!

— Почему посторонних в дом пустила, Валентина? — нашел наконец подходящий объект для обвинений Бойцов.

Ну, не себя же виноватым чувствовать! И, собственно, в чем?

— Это кавой-то? — непонимающе захлопала веками она.

— Да вот, Катерину эту Анатольевну! — разъярился Кирилл.

— Что вы, Кирилл Степанович! — махнула на него обеими ручищами монументальная домработница. — Какая же она посторонняя! Это ж наша соседка снизу! Ее тоже затопило. Она и пришла узнать, может, это мы! А когда все разъяснилось, осталась помогать!

— Валентина, — назидательно-недовольно принялся отчитывать Кирилл. — Под нами живут муж с женой Ганины, никакой Катерины Анатольевны там отродясь не было! Ты же должна знать, тебя дети специально познакомили со всеми жильцами подъезда. Слава богу, их не так много, всего десять квартир!

— Ну, правильно! — обрадовалась та. — Ганины в Китай уехали на пять лет, а Катерина Анатольевна родная сестра Лидии Анатольевны, она теперь вместо них живет.

— Так! — поставил точку Кирилл, чувствуя себя, мягко сказать, душевно неуютно. — Ты уверена?

— А то как же ж! — рубанула с уверенностью. — Она здесь уж месяца три как живет! Вы что, не знали? Мы ж с Соней вам говорили!

Они с дочерью вообще много чего ему говорят с завидной регулярностью, но мозг господина Бойцова с не меньшей регулярностью фильтрует информацию, отсекая то, что кажется несущественным.

Как, например, наличие новой соседки.

Ах ты ж господи!

Некрасиво вышло! Он с ходу, с обычной мужской лестной самоидентификацией и ощущением собственной исключительности, основательно подпитываемыми женским неослабевающим вниманием, решил, что дамочка его преследует.

Ах, ах, ах! — богатый, молодой, холостой! — в бой!

И брать живым любым способом!

А что еще должен был подумать!?

Встретиться дважды в разных районах суматошно-денежной страны «Москва» случайно? Да ладно! Такого не бывает! Это не-воз-мож-но!!

Они виделись один раз, совершенно неожиданно, это абсолютно точно, но, увидев ее сегодня, Кирилл мгновенно решил, что она его преследует. И поводов для подобных подозрений хватало! До фига!

Одна не в меру ретивая красотка, чтобы познакомиться с ним поближе, использовала старый, но

проверенный способ — имитировала столкновение с его машиной, шагнув под капот в точно рассчитанных как месте, так и времени и скорости движения его автотранспортного средства.

Хотя, видит бог, он не олигарх, не депутат какой, не шоу — черт бы их побрал! — мен, чтобы так уж его добиваться. Не ходит ни на какие тусовки, рестораны посещает с конкретной целью поесть, и практически никогда для свидания, — нормальный трудоголик, с полным набором отрицательных качеств, присущих крупным бизнесменам, выстроившим собственное дело, с трудным характером, больной спиной, двумя детьми-подростками, домработницей богатырских габаритов и задрипанной собачкой Мотей.

Невесть какой «подарок», с его точки зрения. И тем не менее...

Вот сразу и подумал, что девушка из отряда жаждущих матримониально-денежного счастья.

Что теперь, извиняться? Ага! И облечь в слова мысли, чтоб наверняка! Мало ли что он там подумал, не сказал же! Ну, поняла она, в чем ее заподозрили, и что?

И ничего! Некрасиво, конечно, но виноватым себя чувствовать не собирается!

Кирилл Степанович Бойцов отдал себе приказание: забыть!

Приказы себе у него всегда получались исключительно!

Сработало и на этот раз... Только вспомнилось, как поманили куда-то ее зеленые, необычного яркого насыщенно-изумрудного оттенка